

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-5-60-67>

Традиционное и новаторское в поэтике И. С. Никитина (к 200-летию со дня рождения)

Дмитрий Анатольевич Романов

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия,
kafrus@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Аннотация. В статье рассматривается поэтика И. С. Никитина с точки зрения ее преемственности по отношению к достижениям лириков-предшественников и тех оригинальных черт, которые были разработаны самим поэтом. Основным методом является сквозной текстуальный анализ собрания стихотворений И. С. Никитина в единстве содержания и формы с привлечением исследовательских приемов лингвистической стилистики, лингвистической поэтики, семасиологии и структурно-семантического синтаксиса. Метрические особенности поэтических текстов даются в трактовках школы М. Л. Гаспарова. Несмотря на то что своим непосредственным учителем И. С. Никитин считал А. В. Кольцова, в его стихах заметны образы, мотивы, языковые реминисценции, отсылающие к творчеству других поэтов, особенно А. С. Пушкина. И. С. Никитин творчески интерпретировал отдельные пушкинские лингвопоэтические приемы (антитезу *порок–доброделитель* в размышлении о назначении поэта и поэзии, иллюстративное осмысление канонических христианских текстов, реалистическое воплощение жанров баллады и идиллии, патриотический пафос гражданских стихов, использование классических метрических схем и др.). И. С. Никитин внес значительный вклад в совершенствование художественного языка русской поэзии реалистической направленности. Он развил песенный жанр в литературе, ввел в лирику разнообразие драматургических начал, предложил самобытные композиционные схемы стихотворений философской, социально-бытовой и пейзажной тематики. В стихах И. С. Никитина был усовершенствован поэтический синтаксис однородных конструкций, за счет детализации и точных наблюдений раздвинуты мотивные границы русской лирики и обогащен лингвостилистический репертуар ее лексики. Творчество И. С. Никитина органично, глубоко и разносторонне связано с развитием содержания и языка русской поэзии второй половины XIX в.

Ключевые слова: поэтический текст, традиции, новаторство, реализм, поэтика, композиция, пейзаж, баллада, идиллия, диалогичность, антитеза, однородные члены, параллелизм, метрика

Для цитирования: Романов Д. А. Традиционное и новаторское в поэтике И. С. Никитина (к 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 5. С. 60–67. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-5-60-67>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Traditional and innovative in the poetics of I. S. Nikitin (to the 200th anniversary of the birth)

Dmitry A. Romanov

Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy, Tula, Russia, kafrus@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Abstract. The article examines I. S. Nikitin's poetics from the point of view of its continuity in relation to the achievements of his predecessors, lyric poets, and those original features the poet himself developed. The main method is an end-to-end textual analysis of I. S. Nikitin's poetry collection in the unity of content and form. Additionally, the study used the research methods of linguistic stylistics, linguistic poetics, semasiology, and structural-semantic syntax. The metrical features of poetic texts are given in the interpretations of M. L. Gasparov's school. Though I. S. Nikitin considered A. V. Koltsov his immediate teacher, his poems contain noticeable images, motifs, and linguistic reminiscences referring to other poets' creative work, especially A. S. Pushkin's. I. S. Nikitin creatively interpreted certain Pushkinian linguo-poetic techniques (the antithesis of *vice–virtue* in the reflection on the role of the poet and poetry, the illustrative comprehension of canonical Christian texts, the realistic use of the ballad and idyll genres, the patriotic pathos of civic poems, the use of classical metrical schemes, and others). I. S. Nikitin made a significant contribution to improving the artistic language of Russian realist poetry. He developed the song genre in literature, introduced a variety of

dramaturgical principles into lyric poetry, and proposed original compositional schemes for philosophical, social, and landscape poems. In his writings, I. S. Nikitin refined the poetic syntax of homogeneous constructions. Moreover, he extended the motivic boundaries of Russian lyric poetry through elaboration and precise observations, as well as enriched the linguo-stylistic repertoire of its vocabulary. I. S. Nikitin's work is organically, closely, and versatily connected with the content and language development of Russian poetry in the second half of the 19th century.

Keywords: poetic text, traditions, innovation, realism, poetics, composition, landscape, ballad, idyll, dialogicity, antithesis, homogeneous sentence parts, parallelism, metrics

For citation: Romanov D. A. Traditional and innovative in the poetics of I. S. Nikitin (to the 200th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2024;85(5):60–67. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-5-60-67>.

Введение. В творчестве Ивана Саввича Никитина заметны традиции его поэтических предшественников. Зачастую он усваивал сам склад художественной речи того или иного автора и, пропуская чужую манеру через себя, воспроизводил в выбранной стилистике новую тему. Подобная творческая преемственность ни в коем случае не является эпигонством, поскольку она всегда окрашена у Никитина в глубоко личностные тона и отражает индивидуальный опыт поэта. В его короткую жизнь уместилось очень многое, и даже период ранних стихов (конец 1840-х гг.) — это этап, когда И. С. Никитин раскрывается как самобытный автор. Уже в годы ученичества, следования неким образцам и примерам в нем проявилась натура творческая, самостоятельная и глубоко оригинальная.

Изученность проблемы и цель работы. Одним из первых о своеобразии творческого подхода и поэтической техники И. С. Никитина заговорил И. А. Бунин. В статье «Памяти сильного человека» (1894) он отмечал, насколько далеко ушел художник слова от «физиологического очерка», представленного в поэтической форме. Широко известно мнение Л. Н. Толстого, высказанное в 1899 г., что «Никитин еще не оценен в достаточной мере. Его оценка в будущем, и с течением времени его будут ценить все более и более» (цит. по: [Тонков 1968: 5]).

В 1960-е гг. появились работы Г. А. Костина, анализирующие творческую преемственность лирики И. С. Никитина по отношению к поэзии его предшественников [Костин 1961]. Развитие Никитиным поэтических жанров исследовали В. М. Сидельников (жанр поэтической новеллы) [Сидельников 1962], Я. И. Гудошников

(жанр песни) [Гудошников 1976], С. А. Кудряшов (жанр поэмы)¹.

В 1962 г. в Воронеже вышел научный сборник «И. С. Никитин. Статьи и материалы: к 100-летию со дня смерти», где были представлены в том числе первые лингвистические исследования его поэзии: Е. А. Назикова — о синтаксисе поэзии Никитина и А. И. Чижик-Полейко — о ее лексическом своеобразии². Экспрессивные языковые средства лирики И. С. Никитина изучены в кандидатской диссертации С. В. Важевой (2000)³.

Творчеству И. С. Никитина посвящены монографические работы В. А. Тонкова [Тонков 1968] и Н. Н. Скатова [Скатов 1968]. В 2019 г. опубликован опыт словаря «Крылатое слово И. С. Никитина»⁴.

Настоящая статья имеет целью обобщить традиционные и новаторские черты поэтики И. С. Никитина, показать осуществленное

¹ Кудряшов С. А. Лексика и фразеология поэм И. С. Никитина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. 16 с.

² Назикова Е. А. Синтаксические особенности стихотворений И. С. Никитина // И. С. Никитин. Статьи и материалы: к 100-летию со дня смерти. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1962. С. 202–212; Чижик-Полейко А. И. Заметки о языке И. С. Никитина // И. С. Никитин. Статьи и материалы: к 100-летию со дня смерти. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1962. С. 191–201.

³ Важева С. В. Языковые средства экспрессии в поэзии И. С. Никитина: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2000. 173 с.

⁴ Кольцова Л. М., Чуриков С. А., Винтер М. В. Крылатое слово И. С. Никитина: опыт словаря. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2019. 152 с. (Опыт словаря 2019).

им творческое развитие образов, мотивов и языка русской лирики середины XIX в., а также дать свободную от идеологических штампов интерпретацию творчества поэта. Впервые предлагается лингвопоэтическая трактовка философских и духовно-религиозных стихотворений.

Анализ. Сам И. С. Никитин считал своим кумиром земляка — «Бояна XIX века» А. В. Кольцова. Так называемым кольцовским пятисложником написаны многие стихи И. С. Никитина, например: «Весна в степи», «Помоги ты мне, сила юная...» и, конечно, знаменитая «Русь». Безрифменный народный пятисложник, который принято именовать «кольцовским», воссоздает одновременно эпический размах и лирическую силу русской народной песни. «Русь», написанная в 1851 г., словно продолжает размышления А. В. Кольцова о судьбах Родины и народа. В стихотворении И. С. Никитина соединяются, с одной стороны, восхищение героическим прошлым страны, ее природной красотой и богатством, широтой русского национального характера и, с другой — лирическая, прочувствованная духовная преданность родной земле, которую в духе кольцовской традиции И. С. Никитин называет *матерью*:

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать *матерью*⁵.

В тексте стихотворения выделяются две словесные стихии: во-первых, высокая «эпическая» лексика (*Русь державная, родина православная, краса царственная, старина святая, громкие подвиги, курганы, полчища, мать сыра-земля* и т. д.); во-вторых, лексика, называющая чувства и эмоции (*плакать, полюбить, гордиться, кланяться, развернуться* и др.). Историко-патриотические мотивы сливаются в стихотворении с мотивами индивидуально-личностными, и все это окрашивается героико-романтическим пафосом — так складывается поэтика стихотворения «Русь».

Во многом для И. С. Никитина примером был А. С. Пушкин. Стихотворения, созданные в русле пушкинской традиции,

встречаются в творчестве И. С. Никитина на протяжении 1850-х — начала 1860-х гг. В большинстве из них присутствуют знакомые читателю пушкинские слова и образы, которые молодой поэт заимствует с целью показать, насколько пушкинский характер поэтического мышления значим для русских людей не только в столицах, но и в провинции (Никитин считал себя поэтом воронежской земли). Так, стихотворение «Когда Невы, окованной гранитом...» целиком выдержано в пушкинской тональности восхищения Петербургом как городом, поднявшимся из болот и бурелома и обретшим черты лучших европейских столиц. Здесь звучат прецедентные пушкинские языковые обороты *чужонец бедный* (у Пушкина — *убогий*), *пустынные воды, холодная краса, создание Петра*.

Несомненно, что именно пушкинскую традицию продолжают стихотворения И. С. Никитина о назначении поэта и поэзии. Например, «Поэту» (1855) во многом перекликается со знаменитым пушкинским «Поэт и толпа». Подобно Пушкину, Никитин представляет поэта человеком гордым и одиноким, равнодушным к сиюминутным потребностям, моде и оценкам черни. Как и в стихотворениях Пушкина («Поэт», «Поэту», «Пророк» и др.), центральной в названном произведении И. С. Никитина становится антиста *порок—добродетель*, органически связанная с темой творчества. Несмотря на то что в повседневном мире *порок увенчан торжеством*, автор искренне верит в подлинное облагораживающее назначение поэзии:

Об этом плачь в тиши глубокой,
Тогда народ тебя поймет
И, может быть, к мечте высокой
Его укор твой приведет.

Современные психолингвисты доказывают, что поэтическое творчество, особым образом интерпретированное слово способны вызвать у другого человека «раскалывание и сожаление не только на эмоциональном, но и на рациональном уровне» [Иоанесян 2020: 54]. Следовательно, пушкинско-никитинский вектор развития темы поэта и поэзии имеет абсолютно верное направление.

В философской лирике Никитина заметно выделяется христианская тема и тема

⁵ Здесь и далее тексты И. С. Никитина цит. по: Никитин И. С. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Советский писатель, 1965. 613 с.

веры вообще. Уже в 25 лет поэт создает одно из лучших стихотворений данной тематики — «Монастырь». Для провинциальной России сам образ монастыря, окруженного почти безграничными лесами и полями, словно бы естественно вписанного в природный ландшафт, является очень характерным. В этом стихотворении соединяется лексика религиозного звучания (*крест, ангел, Бог, молитва*) с лексикой пейзажа (*деревя, листья, ручьи, ветерок, трава*). В таком соединении воплощается глубоко символическое осмысление веры русским человеком, для которого она есть органичное, мироопределяющее состояние духа. И. С. Никитин, закончивший духовное училище и длительное время слушавший курс в духовной семинарии, знал отечественную веру как бы изнутри и с разных сторон. Есть у него и сатирические произведения, посвященные жизни духовенства и семинаристов. Например, «Ах, прости, святой угодник!», содержащее афористически лаконичную и предельно точную по своей язвительности характеристику духовного образования России (она оформлена специфическим для идиостиля поэта рядом однородных членов; в данном случае — сказуемых):

Ученик всегда послушен,
Безответен, равнодушен,
Бьет наставникам челом
И дуреет с каждым днем.

Следует отметить, что отдельные афористические фразы Никитина приобрели в языке широкое распространение (в настоящее время «выявлено более 80 крылатых выражений И. С. Никитина»⁶).

Уже в ранней лирике поэта складывается особая художественная форма воплощения духовного содержания. И. С. Никитин почти не употребляет глаголы, и в этом он единомышленник «безглагольного Фета» (если пользоваться определением М. Л. Гаспарова), который принципиально «не дробит мир действием, представляя его единым и цельным» [Гаспаров 1995: 139]. Например, в стихотворении «Присутствие непостижимой силы...» всего два глагола (*скрывается и есть*), расположенных в первых трех строках, в то время как остальные девять строк

безглагольны. И. С. Никитин достаточно часто употребляет синтаксический прием нанизывания однородных членов, выраженных преимущественно именными частями речи, которые создают неподвижную картину, похожую на мгновенный фотографический снимок действительности. Так, в упомянутом выше стихотворении взгляд поэта имеет статичный «космический фокус», бесспорно родственный лермонтовскому и тютчевскому, а с помощью именно этого однородного ряда показано присутствие божества во всем природном мире:

В торжественном покое океана,
И в сумраке задумчивых лесов,
И в ужасе степного урагана,
В дыхании прохладном ветерка,
И в шелесте листов перед зарею,
И в красоте пустынного цветка,
И в ручейке, текущем под горою.

В своих философских стихах И. С. Никитин часто задумывается над смыслом жизни, назначением человека, ищет ответ на вопрос о подлинных ценностях, которые для него более разнообразны, чем обычно представляют.

Для стихотворения «Кладбище» поэт избирает пушкинскую тему — «Когда за городом, задумчив, я брожу...», однако и поэтический размер стихотворения, и образный ряд, и композиция абсолютно новаторские. У Пушкина размышления, вызванные посещением кладбища, оформляются в размеренно-патетическом шестистопном ямбе как противопоставление городской, помпезной и лишенной подлинных человеческих чувств «ярмарки загробного тщеславия» простому, свободному и чуждому лицемерия сельскому погосту. У Никитина в основу композиционного решения стихотворения, написанного более кратким и гибким четырехстопным ямбом, ложится синтаксический цикл мировоззренческих вопросов, следующих друг за другом, и такая же циклическая последовательность ответов на них.

В стихотворениях двух последних лет жизни у И. С. Никитина частотны лексемы *смерть, горе, тоска, печаль, невзгоды*. Поэт постоянно обращается к теме смерти и похорон: «Вырыта заступом яма глубокая...», «Поминки», «Погост», «Могила дитяти». Среди ключевых слов

⁶ Опыт словаря 2019. С. 3.

этого периода в философских стихотворениях И. С. Никитина особенно выделяются атрибутивные лексемы с семантикой 'одинокый', 'тяжелый', 'невеселый': *И покончишь ты век одинокий* («Собрату»), *Жизнь невеселая, жизнь одинокая* («Вырыта заступом яма глубокая...»), *Дни невеселые, сердцу тяжёлые* («Бедная молодость, дни невеселые...»), *Нет, труд упорный — груз свинцовый* («Порывы»). Приведенные выше семы и их текстовые воплощения в значительной степени традиционны для русской народной языковой картины мира [Крейдлин, Листратова 2022: 10], носителем которой, несомненно, был И. С. Никитин.

Примечателен в наследии поэта цикл стихов, трактующих религиозные тексты, которые автор, несомненно, хорошо знал. Их осмысление обложено И. С. Никитиным в простую, но глубоко продуманную форму знакомых слов и афористических заключений. В частности, стихотворение «С тех пор, как мир наш необъятный...» посвящено размышлению над известными строками из первой главы ветхозаветной книги Экклезиаста о сменяемости поколений людей и вечности мира. Подобно тому как Пушкин в «Каменноостровском цикле» 1836 г. отразил собственное понимание великопостной молитвы Ефрема Сирина (*Отцы-пустынники и жены непорочны...*), так и Никитин в стихотворении поясняет и иллюстрирует истинность положений Экклезиаста. При этом аналогия с Пушкиным здесь вполне уместна, так как в стихотворении встречается прецедентная строка *Природа вечная сияет...*, отсылающая к другому, но тоже пушкинскому тексту «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», где есть строка-источник: *И равнодушная природа // Красною вечною сиять...* В свойственной ему манере сдержанной простоты художественных средств И. С. Никитин удивительно точно и продуманно воплощает мысль Экклезиаста:

И между тем как человек,
Земли развенчанной владыка,
В цепях страстей кончает век
Без цели ясной и великой, —
Все так же блещут небеса,
И стройно движутся планеты,
И яркой зеленью одеты
Непроходимые леса...

Отметим, что синтаксически финал этого стихотворения построен как сложное предложение с несколькими бессоюзно связанными частями, открывающееся общим для них придаточным (оно приведено выше в примере). Параллелизм структур и при этом разнообразие обычной, лишенной украшательства лексики, их оформляющей, создают ту гармонию простоты, которая свойственна поэзии И. С. Никитина в целом.

Еще в одном осмыслении христианского текста — стихотворении «Новый Завет» — также представлен синтаксический параллелизм, но на этот раз в обширном ряду однородных подлежащих:

Здесь все в чудно сжатой картине
Представлено духом святым:
И мир, существующий ныне,
И Бог, управляющий им,
И сущего в мире значенье,
Причина, и цель, и конец,
И вечного сына рожденье,
И крест, и терновый венец.

В таком, на первый взгляд, элементарном перечислении отражено все содержание Нового Завета, которое для Никитина, как и для всех истинно верующих людей, становится источником «слез и уроков для ума и души».

Стихотворение «Сладость молитвы» выдержано в лучших традициях русской духовной поэзии. В идейном плане оно иллюстрирует одну из ключевых мыслей русской христианской культуры: «Тот, кто хочет искать святой радости и блаженства на земле, должен искать их в молитвенных слезах» [Постовалова 2022: 307]. В языковом отношении стихотворение построено на любимом И. С. Никитиным параллелизме синтаксических структур и частом применении анафоры. Кроме того, поэт использует прием семантической акцентуации: в начале и в середине стихотворения ведущую смысловую роль играют глаголы, а в финале — существительные. Этот эффект обусловлен в том числе использованием первоначально только глагольных рифм, а в конце — внедрением в глагольный рифмующийся ряд рифм субстантивных. Вот показательный фрагмент начальной части текста, изображающей человека,

истомленного заботами и желающего обрести успокоение в молитве (рифмуются глаголы):

И дума за думой на ум мне приходит,
И жар непонятный по жилам течет,
И сердце отрады ни в чем не находит,
И волос от тайного страха встает.

Наоборот, обретение успокоения смещает смысловые акценты с глаголов на существительные. Стихотворение заканчивается строфой, в которой, безусловно, ведущую семантическую роль играют слова *радость, образ, сердце, сладость*, хотя рифмовка становится чередующейся, а не сугубо субстантивной:

И в душу прольется мне светлая радость,
И смело на образ тогда я взгляну,
И, чувствуя в сердце какую-то сладость,
На ложе я лягу и крепко засну.

Следует обратить внимание на простоту образных средств, используемых И. С. Никитиным. Его стихи лишены броских, ярко окрашенных эмоционально, патетических приемов; поэтическая палитра не богата эффектными метафорами, смелыми эпитетами или сравнениями. Из обычных, казалось бы, «повседневных» слов; привычных всем, часто устойчивых и народно-поэтических тропов, воссоздающих, а не пересоздающих картины природы, человеческого труда, быта, талантом художника складывается живой, одухотворенный лирический текст.

Выделяются среди подобного рода стихотворений произведения биографического содержания, например: «Помню я: бывало, няня...», «Детство веселое, детские грезы...», «Воспоминание о детстве». В последнем стихотворении мы находим большое количество «прозаизмов» (*большой диван, круглый стол, стакан с цветами, часы, узорчатый ковер, лампадка* и т. п.). Однако за всем этим незримо встает мир души поэта, деликатно и мягко окрашивающий обычные предметы своего детства теплым, добрым светом. Каждое из таких стихотворений — «лирический слепок действительности» [Сидельников 1962: 103], легко узнаваемой современниками.

Особое место в творчестве И. С. Никитина занимают стихи военной тематики, написанные в период Крымской войны

1853–1855 гг. Например, стихотворение «Новая борьба» посвящено начавшемуся на юге русско-турецкому противостоянию и выдержано в духе истинного патриотизма. Стихотворение стилизовано под древнерусскую героическую песню и изобилует славянизмами и поэтизмами: *Русь святая, битва роковая, умерщвленные, поруганные, колос, державная рука подымлет меч, брань, скопище, кара* и др.

В период Севастопольской кампании Никитин напишет еще несколько военно-патриотических стихотворений, воспевающих героическое прошлое России и призванных, по замыслу автора, воодушевить защитников родной земли. В стихотворении «На взятие Карса» антитеза *русское—иноземное* проходит через весь текст: *двуглавый орел — зная Ислама, Севера сыны — защитники Луны*. Здесь поэт использует и фольклорные образы (сказочно-гиперболические), которые тесно переплетаются с христианскими воззваниями, вдохновленными идеей богоизбранности русского народа:

За нас Господь! Он Русью правит,
Он с неба жезл царю пошлет;
Царь по волнам жезлом ударит —
И рати двинутся вперед...

И. С. Никитина считают мастером драматургической формы поэтического текста. Действительно, из-под его пера вышло немало стихотворений, представляющих собой социальные сцены, воплощенные в диалогах. Перед нами, по сути, переведенная в стихотворную форму драматургия. В качестве примера можно привести довольно обширные стихотворения «Ссора» и «Порча», где представлены диалоги мужа и жены, стихотворение «Упрямый отец», большую часть которого составляет трагический диалог между отцом и дочерью, принуждаемой им к браку с не любимым человеком, или стихотворение «Жена ямщика», в текст которого вплетается сразу два диалога: женщины и малолетнего сына, а затем этой же женщины и ямщика, привезшего ей известие о смерти мужа. Справедливо утверждение: «Построенные в основном на устном народном сказе, в котором диалог персонажей становится ведущей формой развития действия, стихотворения Никитина вобрали в себя

реальные факты и явления жизни того времени» [Тонков 1968: 49].

В репликах никитинских героев звучит подлинно народная речь; в них отражаются тонкие, убедительные, только народу присущие наблюдения над собственной жизнью, которые в современной филологии определяются как «маркеры региональной идентичности русского человека» [Маслова 2024: 408]. Важную роль играет, например, деталь, воспроизведенная в речи мужа из стихотворения «Ссора», когда он вспоминает свою холостую жизнь в родительском доме, где управлялся с лошадьми:

Сбруя вся на заказ, кони — любо взглянуть,
Словно звери, из упряжи рвутся;
Не успеешь, бывало, вожжой шевельнуть —
Уж голубчики вихрем несутся.

Обратим внимание на языковой колорит приведенного отрывка: использование устойчивых оборотов (*на заказ, любо взглянуть, словно звери*), мелиоративной уменьшительно-ласкательной формы *голубчики* применительно к коням, разговорной конструкции бессоюзного сложного предложения с препозитивной уступительной частью. Кроме того, само замечание, что хорошие кони пускаются вперед без особого принуждения, придает тексту достоверность, убедительность, а это жизненной правдивостью привлекает внимание проницательного читателя.

В стихотворении «Упрямый отец» богатый жених, избранный отцом для своей дочери, вызывает восхищение старика тем, что *на плечах его кафтан новенький, / Сапоги с гвоздями, с медной прошивой*. Отметим здесь деминутив *новенький*, архаическую форму творительного падежа *гвоздьми* и просторечное слово *прошива*, что характеризует подлинную народную речь. В этой стихотворной строке присутствует и этнографическая черта крестьянской жизни Воронежской губернии, где состоятельные крестьяне-шеголи заказывали себе сапоги, задники которых прошивались медной проволокой.

Многие стихи И. С. Никитина написаны в жанре народной песни. В языковом отношении они характеризуются обилием приемов из устного народного творчества. Так, в песне «Старый мельник» встречаются следующие языковые фольклорные черты:

двукратный повтор, который оформляется как с помощью дефиса, так и с помощью запятой (*замолчала-спит; брызги-золото; огнем-искрами; погубил, прожил; сиял, горел; стоишь, дрожишь*), сравнения в форме творительного падежа (*серебром кипел, поднимал ключом, закипит жемчугом, встают иглами*), устойчивые сравнения (*ходит ходенем, как лунь седой*). Можно отметить использование И. С. Никитиным присущих народному творчеству деминутивов (*было времечко, пел песенку, рыбка смелая*), народных поэтизмов (*слезы точатся, дивы чудные, в богатырском сне*). Однако творческая индивидуальность И. С. Никитина «не растворяется в стихии народной поэзии и ее языке, оставляя себе право художественного изображения и анализа народной жизни. Никитин по-своему и в чем-то даже раньше Некрасова стремится к этому» [Скатов 1968: 77].

Выводы. Научные трактовки поэтического наследия И. С. Никитина должны выйти за границы простой констатации его принадлежности к некрасовской школе и исследования произведений только народной тематики. Время показало, что его связи с русской поэтической традицией глубже и шире, чем простая подражательность, а многие никитинские мотивы и языковые приемы вошли в опыт последующих литераторов и в узуальное сознание. Философская и христианская лирика И. С. Никитина, его гражданско-патриотические стихи представляют ценность как в идейном, так и в лингвопоэтическом плане. Поэт значительно обогатил и модернизировал многие лирические и лиро-эпические жанры, внес большой вклад в развитие поэтической композиции и в способы организации стихотворного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров М. Л. Фет безглагольный // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 139–149.
2. Гудошников Я. И. Творчество И. С. Никитина и городской романс // Поэт-демократ И. С. Никитин. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1976. С. 112–119.
3. Иоанесян Е. Р. Типы семантических переходов, лежащих в основе номинации эмоций // Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. М.: Институт языкознания РАН, 2020. С. 5–69.

4. Костин Г. А. Поэт-демократ: к столетию со дня смерти И. С. Никитина: метод. указания и материалы в помощь лекторам и организаторам лит.-муз. вечера. Воронеж: [б. и.], 1961. 39 с.

5. Крейдлин Г. Е., Листратова Е. С. Общие и национально-специфические черты телесных объектов (по данным фразеологии двух языков: испанского и русского) // Лингвокультурное и коммуникационное пространство человека. Иваново: ИвГУ, 2022. С. 6–14.

6. Маслова В. А. Региональная идентичность личности сквозь призму поэзии // Язык как основа национальной идентичности: материалы Международной научной конференции. Тула: Тульский полиграфист, 2024. С. 406–410.

7. Постовалова В. И. Радость как духовная реальность и ее концептуализация в православном мирозерцании // Язык. Человек. Культура: сб. научных трудов. М.: Институт языкознания РАН, 2022. С. 305–312.

8. Сидельников В. М. Лирические новеллы И. С. Никитина // И. С. Никитин: статьи и материалы к 100-летию со дня смерти / отв. ред. В. А. Тонков. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1962. С. 94–108.

9. Скотов Н. Н. Поэты Некрасовской школы. Л.: Просвещение, 1968. 224 с.

10. Тонков В. А. И. С. Никитин: очерк жизни и творчества. М.: Просвещение, 1968. 128 с.

REFERENCES

1. Gasparov M. L. Verbless Fet. Gasparov M. L. *Izbrannye stat'i* = *Selected articles*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1995. P. 139–149. (In Russ.)

2. Gudoshnikov Ya. I. Works of I. S. Nikitin and urban romance. *Poet-demokrat I. S. Nikitin: materialy konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu so dnya rozhdeniya* / red. S. G. Lazutin = *Poet-democrat I. S. Nikitin: proceedings of the conference on the 150th anniversary of his birth* / S. G. Lazutin (ed.). Voronezh: Voronezh State University Press, 1976. P. 112–119. (In Russ.)

3. Ioanesyan E. R. Types of semantic transitions underlying the nomination of emotions. *Predstavlenie*

emotsional'noi sfery cheloveka na materiale raznykh yazykov / отв. ред. Е. Р. Иоанесян = *Representation of human emotional sphere on the material of different languages* / E. R. Ioanesyan (ed.). Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2020. P. 5–69. (In Russ.)

4. Kostin G. A. Poet-democrat: to the centenary of the death of I. S. Nikitin: guidelines and materials to help lecturers and organizers of the literary and musical evening. Voronezh: [s.n.], 1961. 39 p. (In Russ.)

5. Kreydlin G. E., Listratova E. S. Common and national-specific features of bodily objects (according to the phraseology of two languages: Spanish and Russian). *Lingvokul'turnoe i kommunikatsionnoe prostranstvo cheloveka* / отв. ред. Е. А. Васьятская = *Linguocultural and communicative space of a person* / E. A. Vasyatskaya (ed.). Ivanovo: ISU Press, 2022. P. 6–14. (In Russ.)

6. Maslova V. A. Regional identity of a person through the prism of poetry. *Yazyk kak osnova natsional'noi identichnosti: materialy Mezhdunar. nauch. konf., Tula, 16–18 maya 2024 g.* = *Language as the basis of national identity: proceedings of the international scientific conference, Tula, May 16–18, 2024*. Tula: Tul'skii poligrafist, 2024. P. 406–409. (In Russ.)

7. Postovalova V. I. Joy as a spiritual reality and its conceptualization in the Orthodox worldview. *Yazyk. Chelovek. Kul'tura: sb. nauchnykh trudov* = *Language. Man. Culture: collection of scientific works*. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2022. P. 305–312. (In Russ.)

8. Sidelnikov V. M. Lyrical short stories of I. S. Nikitin. *I. S. Nikitin: stat'i i materialy k 100-letiyu so dnya smerti* / отв. ред. В. А. Тонков = *I. S. Nikitin: articles and materials for the 100th anniversary of his death* / V. A. Tonkov (ed.). Voronezh: VSU Press, 1962. P. 94–108. (In Russ.)

9. Skotov N. N. Poets of the Nekrasov school. Leningrad: Prosveshchenie, 1968. 224 p. (In Russ.)

10. Tonkov V. A. I. S. Nikitin: sketch of life and work. Moscow: Prosveshchenie, 1968. 128 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дмитрий Анатольевич Романов, доктор филологических наук, профессор

Dmitry A. Romanov, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 29.05.2024; одобрена после рецензирования 16.06.2024; принята к публикации 05.07.2024.

The article was submitted 29.05.2024; approved after reviewing 16.06.2024; accepted for publication 05.07.2024.